

**ПЕРВОЕ МИНИСТЕРСКОЕ НАЗНАЧЕНИЕ НИКОЛАЯ II:
ИСТОРИЯ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ**

Д. А. Андреев

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 12 июня 2011 г.

Аннотация: рассматривается история принятия императором Николаем II решения о первом после его восшествия на престол министерском назначении. Проблема возникла в середине декабря 1894 г., когда требовалось найти замену отправленному в отставку министру путей сообщения А. К. Кривошеину. Анализируются влияния, оказывавшиеся на императора по этому поводу, разбираются возникавшие кандидатуры потенциальных назначенцев, объясняется выбор Николаем II кандидатуры М. И. Хилкова.

Ключевые слова: император Александр III, император Николай II, вдовствующая императрица Мария Федоровна, великий князь Александр Михайлович, великий князь Алексей Александрович, министр путей сообщения, министр финансов, С. Ю. Витте, А. К. Кривошеин, М. И. Казн, М. И. Хилков.

Abstract: the article examines how Emperor Nicholas II, after his accession to throne, decided to appoint the first Minister. The problem emerged in mid-December 1894 when the Emperor had to find a new Minister of Railways after A. K. Krivoshein's resignation. The author analyzes who influenced the Emperor in this case, reviews all the potential candidates and explains Nicholas II's choice – M. I. Khilkov.

Key words: Emperor Alexander III, Emperor Nicholas II, Dowager Empress Maria Feodorovna, Grand Duke Alexander Mikhailovich, Grand Duke Alexey Alexandrovich, Minister of Railways, Minister of Finance, S. Yu. Witte, A. K. Krivoshein, M. I. Kazi, M. I. Khilkov.

Кадровые перемены в правительственных «верхах» Российской империи наиболее объективно отражали внутривластную конъюнктуру, определявшуюся преимущественно конфигурацией влияний на самодержца. Поэтому рассмотрение того, как принимались решения по отставкам и назначениям, позволяет довольно точно реконструировать расстановку сил вокруг престола, а значит, адекватно интерпретировать мотивации главных действующих лиц, максимально приблизиться к пониманию их поступков и взаимоотношений, формировавших большую политику. Первым кадровым решением молодого императора Николая II стала отставка министра путей сообщения А. К. Кривошеина в середине декабря 1894 г. Кривошеин был уличен в коррупционных действиях. Это обстоятельство, а также вопиющий непрофессионализм министра способствовали тому, что его увольнение вызвало всеобщее одобрение в чиновничьих и общественных кругах Петербурга. Однако мнения относительно того, кто должен стать преемником уволенного министра, оказались не столь единодушными. В историографии вопрос о вызревании первого министерского назначения Николая II до сих пор не получил должного

освещения. В статье Л. Е. Шепелева о М. И. Хилкове сказано только, что государь назначил князя руководителем МПС «по рекомендации» министра финансов и вдовствующей императрицы [1, с. 135]. (Как будет показано ниже, это утверждение справедливо лишь отчасти.) Даже в обстоятельной статье В. Л. Степанова, посвященной первым месяцам царствования Николая II, вопрос о кандидатах на освободившееся место министра путей сообщения и стоявших за ними силах не рассматривается. Исследователь ограничивается лишь беглым указанием на причастность председателя Комитета министров Н. Х. Бунге к отставке Кривошеина [2, с. 152].

Перебирание возможных кандидатур на место Кривошеина, о неминуемой отставке которого заговорили буквально сразу после смерти Александра III, началось в общественном мнении прямо в первые дни нового царствования. Так, 30 октября А. В. Богданович – хозяйка светского столичного салона и жена генерала от инфантерии Е. В. Богдановича – записала в дневнике, что «в городе бродят слухи о разных назначениях». В частности, говорят, будто новым министром путей сообщения должен стать глава Комиссии о мерах к поощрению русского торгового мореходства и судостроения и руководитель Императорского русского технического общест-

ва М. И. Кази [3, л. 22]. В отличие от Кривошеина, оказавшегося во главе Министерства путей сообщения исключительно благодаря связям и конъюнктуре, сложившейся для него благоприятным образом на момент перехода С. Ю. Витте из МПС в Министерство финансов, эта кандидатура не выглядела случайной.

Кази обладал богатым опытом руководящей работы на разных должностях. Более полутора десятилетий он служил – и как военный, и после отставки – в Русском обществе пароходства и торговли, где дорос до поста исполняющего обязанности директора организации в отсутствие последнего. В середине 1870-х гг. он как городской голова Севастополя сделал немало для превращения города в современную базу Черноморского флота. Его следующей должностью стал пост управляющего Балтийским судостроительным и механическим заводом. Именно при Кази была проведена масштабная модернизация этого индустриального гиганта. На протяжении 17 лет, в течение которых Кази возглавлял завод, было спущено на воду более 40 кораблей, в том числе броненосный крейсер «Адмирал Нахимов» и крейсер первого ранга «Рюрик». После ухода в 1893 г. с Балтийского завода Кази помимо названных должностей являлся еще гласным Петербургской городской думы.

В годы службы Кази в Русском обществе пароходства и торговли он пересекся с двумя будущими министрами. Директором общества тогда был ставший впоследствии управляющим Морским министерством (и в этом своем качестве – объектом для непрекращавшейся критики со стороны Кази) Н. М. Чихачев. Именно его помощником по морской части и оказался в 1870 г. Кази. А помощником Чихачева по железнодорожной части служил Витте. В воспоминаниях первый премьер-министр Российской империи отметил присущую Кази «большую склонность к интригам» и вместе с тем подчеркнул, что он являлся «человеком весьма большого ума, с большими способностями». По словам Витте, существенной причиной влиятельности Кази и его попадания в обойму потенциальных кандидатов в министры являлась протекция со стороны великого князя Александра Михайловича, метившего стать главным начальником флота и морского ведомства, т.е. занять должность, на которой находился генерал-адмирал, великий князь Алексей Александрович. Поскольку интрига составляла «главную черту характера» Александра Михайловича, он протезировал Кази, также склонному к интригам, превратив его в своеобразное «орудие против режима Морского министерства» в лице генерал-адмирала и близкого к нему Чихачева [4, с. 358, 412]. Кстати, от язвительных инвектив в адрес Алексея Александровича Александр Михайлович не смог удержаться даже в воспоминаниях, на-

писанных спустя много лет после этих событий и смерти генерал-адмирала. Зять Николая II подчеркивал главным образом непрофессионализм Алексея Александровича. Великий князь, например, отмечал: «Трудно было себе представить более скромные познания по морским делам, чем у этого адмирала могущественной державы». По словам Александра Михайловича, «дядя Алексей» руководил флотом «согласно традициям XVIII века» [5, с. 133, 170].

Таким образом, разговоры о Кази как о потенциальном преемнике Кривошеина пошли неспроста. Причем после отставки Кривошеина они резко активизировались. В дневниковой записи за 16 декабря Богданович просто назвала фамилию Кази наряду с двумя другими возможными кандидатами на пост главы МПС – управляющим делами Комитета министров А. Н. Куломзиным и директором департамента железнодорожных дел Министерства финансов В. В. Максимовым. Но уже через два дня генеральша говорила о перспективах бывшего управляющего Балтийским заводом совсем иначе: «По-моему, м[инистро]м п[утей] с[общения] будет Кази, которого царь лично знает и мног[ие] в[еликие] к[нязья] тоже». Любопытно, что муж хозяйки салона придерживался другого мнения, полагая, что министром станет товарищ Витте по Министерству финансов А. П. Иващенко. Чиновники же самого Министерства путей сообщения думали увидеть своим начальником Куломзина [3, л. 74 об., 76–76 об.].

Скорее всего, причиной подобной перемены в оценке шансов Кази стать министром путей сообщения стала его аудиенция (правда, не персональная, а в составе группы в несколько человек) у императора 10 декабря. События этого ключевого для вызревания скандала вокруг Кривошеина дня развивались следующим образом. В 10 часов утра император принял государственного контролера Т. И. Филиппова с докладом, в котором излагались обвинения в адрес министра путей сообщения. Сам Николай II записал в тот день в дневнике, что разговор шел «по поводу весьма грустного и некрасивого дела Кривошеина» [6, с. 53]. Понятно, что после такого доклада отставка главы МПС была предрешена. А в половине третьего дня государь принял депутацию Императорского русского технического общества. В депутацию вошли великий князь Александр Михайлович как попечитель общества, Кази как его председатель и еще три члена организации [7, л. 780–780 об.]. Конечно, исключено, что при этих трех лицах и в присутствии самого Кази император мог обсуждать с Александром Михайловичем вопрос о назначении председателя общества на освободившийся – теперь уже фактически после доклада Филиппова – пост. Однако симптоматично, что прием депутации имел место чуть ли не сразу после аудиенции государственного контролера.

Возможно, под видом представления императору депутации были устроены смотрины Кази. Если же допустить, что о приеме государем небольшой группы, в которой находились вместе Александр Михайлович и Кази, стало известно в обществе, то можно предположить, какой резонанс должна была возыметь такая информация и каким образом ее могли проинтерпретировать.

В пользу того, что прием депутации Русского технического общества не просто так совпал с докладом Филиппова, говорит следующий факт. Витте в воспоминаниях рассказал, что во время его первой после отставки Кривошеина аудиенции император обратился к нему: «Я прошу вас выслушать этот указ», – после чего прочитал министру финансов указ о назначении Кази министром путей сообщения [4, с. 412]. Витте не указал дату этого приема у государя, но ее нетрудно вычислить. Министр финансов отметил, что он состоялся «в гатчинском дворце» в пятницу. (Пятница, как сообщил министр финансов, была закреплена за его аудиенциями.) Прием имел место уже после увольнения Кривошеина. О самом же увольнении Витте, по его собственному признанию, узнал только из публикации «Правительственного вестника» [4, с. 412, 395]. Первая пятница после уведомления Кривошеина 14 декабря о его отставке – это 16 декабря. С 22 ноября по 24 декабря император находился в Царском Селе [6, с. 49, 55]. Витте перепутал гатчинскую резиденцию с царскосельской – видимо, в его памяти просто отпечаталось, что аудиенция была не в Петербурге, а в пригороде. Очевидна неискренность заверения Витте, будто об отставке Кривошеина он узнал из сообщения «Правительственного вестника». Этот номер газеты вышел в воскресенье, 18 декабря: в датированном 19 декабря письме Филиппова к сыну говорится о том, что «Правительственный вестник» с сообщением об отставке Кривошеина был напечатан «вчера» [8, л. 53]. Таким образом, если бы министр финансов действительно узнал об увольнении министра путей сообщения из газеты, то он еще не был бы в курсе этого решения императора, когда отправлялся к нему на доклад 16 декабря. В то же время ознакомление министра финансов с проектом указа о назначении Кази не могло быть неделей позже – в пятницу, 23 декабря. Расклад событий последующих аудиенций, как будет показано ниже, убедительно свидетельствует, что этот прием состоялся именно 16 декабря.

Витте прямо связал прочитанный ему императором проект указа о назначении Кази с влиянием Александра Михайловича [8, с. 413]. Если принять во внимание, что чуть менее недели назад Николай II принял обоих в составе депутации Русского технического общества, то взаимосвязь смотрин протееже великого князя и проекта указа, с которым государь

ознакомил министра финансов, становится очевидной.

Дальнейший разговор Витте с императором 16 декабря развивался следующим образом. Министр финансов, подчеркнув деловые достоинства Кази, принялся разубеждать Николая II. Аргументация Витте сводилась к тому, что Кази совершенно некомпетентен в железнодорожном деле и нельзя допустить, чтобы второй подряд руководитель МПС оказался несведущим в вопросах, которыми ему надлежит руководить. Министр финансов даже позволил себе сделать императору вызывающее предложение о том, что если уж и назначать названное лицо министром, то тогда лучше сразу ставить его во главе Морского министерства. В таком случае он станет руководить тем, в чем, в отличие от железнодорожного дела, разбирается. На вопрос государя, кого бы Витте мог порекомендовать вместо Кази, министр финансов незамедлительно предложил кандидатуру своего товарища по Министерству финансов Иващенко. Николай II обещал подумать об этой кандидатуре [4, с. 413]. Витте уже давно вынашивал идею посадить в кресло главы МПС Иващенко. Обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев сообщал 17 декабря в письме к московскому генерал-губернатору, великому князю Сергею Александровичу, что министр финансов предлагал «своего товарища» на место Кривошеина «еще покойному государю» [9, л. 5–5 об.].

Можно привести два косвенных подтверждения того, что указанный разговор Витте с императором произошел именно 16 декабря. Во-первых, Богданович 19 декабря записала в дневнике: «Видно было после доклада у царя прошлую пятницу, что Витте не мог провести своего кандидата, он вышел из кабинета красный, сконфуженный». Возле кабинета государя стояли «несколько генералов», ожидавших представления. Министр финансов, «проходя мимо, знакомым и незнакомым подал руку» [3, л. 77 об.]. Во-вторых, в дневнике Николая II утренние события этого дня изложены подобным же образом: «После небольшой прогулки принял Витте. В бильярдн[ой] около ротонды был прием военных» [6, с. 54]. В данном случае несоответствие информации о том, где военные ожидали представления (и, следовательно, где с ними столкнулся Витте) – возле императорского кабинета или в бильярдной – непринципиально: информаторы Богданович могли попросту не знать этой детали, упустить ее или не придать ей должного значения. Что же касается утверждения генеральши в том, что министр финансов «не мог провести своего кандидата», то эти слова, скорее всего, надо понимать так – не сумел добиться согласия государя сразу. Хотя на моментальную перемену императором его мнения относительно того, кого следует назначить

министром, было бы странно надеяться. По-видимому, дошедшие до Богданович слухи несколько исказили картину событий, имевших место на самом деле. Витте действительно мог выйти от Николая II «красным» и «skonфуженным» – но не оттого, что тот отверг кандидатуру Иващенко. Министра финансов, вероятно, деморализовало уже практически подготовленное назначение Кази, которое вряд ли – как тогда казалось Витте – можно было предотвратить предложением государю другой кандидатуры.

Во время состоявшейся 23 декабря следующей аудиенции министра финансов император дал отрицательный ответ по поводу Иващенко. По словам Витте, Николай II назвал «главную причину» своего решения: если на посту министра путей сообщения окажется товарищ министра финансов, то все начнут усматривать в действиях нового главы МПС влияние его бывшего непосредственного начальника. К тому же, как отметил в воспоминаниях Витте, государь признался, что не испытывает к Иващенко приязни и «вообще ему его не хочется назначать». А потому он по-прежнему склоняется в пользу Кази [4, с. 413–414].

Разумеется, отсутствие симпатии вряд ли в данном случае имело значение, если император уже определился с кандидатурой нового руководителя МПС. Однако восприятие товарища министра финансов все же играло определенную роль при оценке его шансов пойти на повышение. Иващенко даже внешне не тянул на министра. В воспоминаниях А. С. Путилова, ставшего через несколько лет после описываемых событий сотрудником канцелярии Совета министров, подчеркивается «бесцветность» товарища Витте, являвшегося «человеком неглупым, работающим, но без большой инициативы и вообще скорее исполнителем, нежели руководителем». Такая «бесцветность» чувствовалась и в его внешности: «Даже самая фигура Иващенко, – отмечал Путилов, – выше среднего роста, довольно полная с одутловатым, обросшим бородою лицом и несколько шамкающей речью, свидетельствовала о его посредственности и не внушала большого доверия» [10, л. 46].

Государь был совершенно прав в том, что назначение Иващенко на место Кривошеина стало бы восприниматься исключительно как расширение сферы влияния Витте. Через два дня близкий к покойному императору С. Д. Шереметев фактически слово в слово повторил подобное опасение – только уже как вроде бы нейтрализованную угрозу. Он отметил, что намерению сделать Министерство путей сообщения департаментом Министерства финансов, вероятно, «не удастся» [11, л. 65].

Отражение изложенного разговора в воспоминаниях Витте и на этот раз косвенно подтверждается сведениями из дневника Богданович. 24 декабря, т.е.

на следующий день после того, как Николай II высказал Витте несогласие с его кандидатурой и подтвердил свой выбор Кази, чету Богдановичей посетил Куломзин. Управляющий делами Комитета министров буквально с порога заметил, что «поспешил прийти», ибо «только что убедился, что м[инистро]м п[утей] с[общения] не будет». При этом он высказал мнение, что освободившийся пост займет Кази. Сославшись на неназванный источник, Куломзин рассказал Богдановичам о намерении императора «до назначения кого-либо» обсудить этот вопрос с Александром Михайловичем, а Кази, как известно, – «приятель» великого князя. Гость салона генеральши не сомневался в положительном решении государя по кандидатуре Кази. И хотя управляющий делами Комитета министров «резко говорил» в адрес Кази, он подчеркнул свою готовность изменить мнение о бывшем управляющем Балтийским заводом, «раз он будет назначен». О собственных перспективах занять место Кривошеина Куломзин заметил, что определенные шансы на то имелись «вскоре по смещении» проштрафившегося министра, причем тогда, когда император находился в Царском Селе. Теперь же, когда государь вернулся в Петербург, шансов у Куломзина нет никаких, так как «здесь у него много врагов» [3, л. 83].

Куломзин уже давно стоял в очереди за портфелем министра путей сообщения. В воспоминаниях он поведал, что Александр III предлагал его в товарищи главе МПС К. Н. Посьету, когда в 1880 г. товарищ министра Н. Н. Селифонтов первый раз покинул свой пост (Селифонтов занимал эту должность еще раз в 1885–1889 гг.). Император тогда даже дал понять Посьету, чтобы тот готовил Куломзина «на свое место». Но министр «наотрез от этого отказался», объяснив свою позицию «дурным характером» Куломзина. После отставки с поста министра путей сообщения А. Я. Гюббенета в январе 1892 г. Александр III вновь рассматривал кандидатуру Куломзина как потенциального руководителя МПС. Об этом мемуарист узнал при неожиданных обстоятельствах. 1 марта 1892 г., покидая Петропавловский собор после отслуженной там панихиды по погибшему в этот день 11 лет назад Александру II, П. А. Черевин, «сильный тогда при особе императора в качестве начальника его охраны», нарочито «громко, на всю публику» обратился к Куломзину. Он сказал, что «слышал» про готовившееся назначение Куломзина министром путей сообщения, однако «он не советует принимать» это предложение. Управляющий делами Комитета министров, вероятно, обескураженный выходкой Черевина, отвел начальника дворцовой охраны в сторону и сказал, что не имеет видов «на столь выдающееся положение», не ощущает себя подготовленным к нему и просит поспособствовать отклонению его кандидатуры. Когда несколько месяцев спустя

Витте переходил из Министерства путей сообщения в Министерство финансов, о кандидатуре Куломзина снова заговорили. Но и на этот раз удача ему не улыбнулась – в результате переплетения интересов Витте и министра внутренних дел И. Н. Дурново освободившееся место должен был занять Кривошеин. По злой иронии судьбы Витте – точь-в-точь, как Черевин 1 марта, – в издевательской форме дал понять Куломзину, что вопрос о замещении вакантного места предreshен. Он предложил Куломзину подвезти его и затем, даже не дождавшись ответа, «с любезно-насмешливою улыбкою» спросил: «А ваше вот сердечко, небось, волнуется?» – явно рассчитывая на то, что собеседник понял, о чем пойдет речь, и предвкушая предстоящее осаживание собеседника. Куломзин действительно догадался и, не желая снова выглядеть посмешищем, сухо отказался садиться в экипаж к Витте [12, л. 24–24 об., 25 об.]. Таким образом, в декабре 1894 г. из всех кандидатов в министры путей сообщения Куломзин обладал самым большим стажем притязаний на эту должность.

25 декабря салон Богданович посетил член Временного управления казенных железных дорог от Министерства путей сообщения В. А. Иванов. Чиновник заметил, что неудача министра финансов провести в руководители МПС Иващенко «смutilа не на шутку» Витте. Если Кази будет назначен, то «Витте он съест, как Витте съел Вышнеградского» [3, л. 84].

27 декабря бывший государственный секретарь А. А. Половцов записал в дневнике разговор с посетившим его в тот день Витте. Министр финансов, указав на свою прямую заинтересованность в том, чтобы на должности министра путей сообщения оказался человек, с которым возможно «вести дело в согласии», назвал четыре рассматривавшиеся на тот момент кандидатуры на этот пост. Первая кандидатура – Куломзин – «тупой чиновник, с которым дело вести будет невозможно» и который, по словам Витте, «оседлал Бунге». Вторая кандидатура – главный инспектор железных дорог Хилков – «недурной, но посредственный человек, который мог бы быть директором департамента, но никак не больше». Третья кандидатура – Кази – «даровитый, но способный только на отдельный эпизодический труд, а никак не на продолжительное управление какой-либо частью», «блестящий, но несолидный». Четвертая кандидатура – Иващенко. Он как член Совета Государственного контроля, когда этим ведомством руководил Д. М. Сольский, держал «в руках контрольное дело железных дорог». Витте также охарактеризовал Иващенко как «человека степенного, трудящегося, несколько медлительного в труде», однако уважаемого в Государственном совете, в котором он присутствует как товарищ министра финансов. Витте полагал, что на следующий день, 28 декабря,

император примет решение по кандидатуре преемника Кривошеина, и в такой ситуации ходатайство председателя Государственного совета «могло бы иметь решающее влияние». Именно для того, чтобы попросить Половцова убедить великого князя Михаила Николаевича «замолвить слово» перед императором за Иващенко, Витте и посетил автора дневника. Половцов ответил Витте, что тот явно преувеличивает степень влияния бывшего государственного секретаря и его возможность повлиять в указанном направлении на Михаила Николаевича. Сам же председатель Государственного совета «никогда не решится заговорить о том», государь же, в свою очередь, и не поинтересуется его мнением по этому вопросу. Витте заметил, что в таком случае, «по всей вероятности», император выберет Куломзина, с которым «невозможно будет вести дело» [13, с. 183–184].

3 января Витте снова посетил Половцова и опять просил его походатайствовать за Иващенко. К тому же министр финансов поведал автору дневника, что Николай II уже почти решил сделать Кази министром путей сообщения, однако Витте смог его переубедить. По версии министра финансов, тот разговор с императором выглядел следующим образом. Витте начал с неожиданного заявления, что Россия – это не «американская республика», а потому не в существующих правилах назначать на министерские должности лиц, «вовсе не проходивших государственную службу». Видя замешательство государя, Витте пояснил высказанную мысль. Он перечислил вехи своей биографии – от университетского преподавателя математики через различные руководящие железнодорожные должности до министра финансов. В то же время Кази является «отставным лейтенантом, нигде не окончившим курса». И хотя Кази – «человек весьма даровитый», он не имеет навыков «к продолжительному, усидчивому, последовательному труду», а к тому же «склонный к интриге». Если Кази станет министром, то он непременно начнет интриговать против Морского министерства, дважды увольнявшего его – с должности помощника главы Русского общества пароходства и торговли (Витте в запале, видимо, упустил, что Кази, как отмечалось выше, дослужился до исполняющего обязанности директора общества) и с поста руководителя Балтийского завода. Натиск министра финансов на императора нарастал с каждым новым витком аргументации. Витте вновь, как и на аудиенции 16 декабря, позволил себе вызывающую фразу: если государь согласен с мыслями Кази о задачах развития флота, то лучше сразу поставить этого человека во главе Морского министерства. «Наконец, что скажут о подобном назначении члены Государственного совета?» – риторически обратился министр финансов к императору. «А мне

что до них за дело?» – возразил Николай II. «Да ведь, государь, – дипломатично заметил Витте, – это союзники вашего отца и деда. Вы не можете не дорожить их мнением». Решив довести интригу против Кази до логического конца (по словам же самого Витте – дабы избежать «всякой тени подозрения в пособничестве Кази»), министр финансов после аудиенции у императора сразу посетил главу морского ведомства Чихачева и «дословно» передал ему разговор с императором [14, л. 75–76 об.].

Из рассказа Половцова однозначно следует, что еще накануне состоявшегося 4 января назначения Хилкова управляющим Министерством путей сообщения Витте все еще рассчитывал провести на этот пост Иващенко. Может быть, министр финансов предпринял новую попытку в этом направлении именно потому, что ему удалось уговорить Николая II отказаться от кандидатуры Кази (или же он просто понял, что император сам колеблется в отношении креатуры Александра Михайловича, а то и вовсе уже отказался от нее). Аудиенция министра финансов, описанная в дневниковой записи Половцова за 3 января, скорее всего, имела место 30 декабря: о приеме Витте в этот день говорится в дневнике императора [6, с. 56].

Таким образом, дневниковые записи Половцова наталкивают на два вывода.

Во-первых, Николай II отказался от кандидатуры Кази не позже 30 декабря – именно в этот день Витте, как ему показалось, смог отговорить императора от такого решения.

Во-вторых, Витте – и это следует особо подчеркнуть – еще за день до утверждения Хилкова управляющим МПС не знал о том, что государь принял для себя такое решение. В противном случае министр финансов вряд ли стал бы упорствовать и 3 января все еще надеяться провести своего товарища в министры. А значит, изложенная в его воспоминаниях история об утверждении кандидатуры Хилкова не соответствует действительности, так как вступает в явное противоречие с фактами, приведенными Половцовым.

Ситуация, со слов Витте, выглядела следующим образом. После того, как Николай II окончательно отверг кандидатуру Иващенко и повторил, что склоняется в пользу Кази, министр финансов не прекратил отговаривать императора. Тогда государь поинтересовался у Витте, кого еще тот мог бы предложить. Министр финансов назвал Хилкова. На это Николай II заметил: «Я его совсем не знаю». Витте порекомендовал передать его слова вдовствующей императрице и уверил императора в том, что Мария Федоровна поддержит названную кандидатуру. Государь пообещал осведомиться у матери о Хилкове и в этот же самый день встретился с ним и

предложил занять кресло министра путей сообщения. Хилков после консультации с Витте согласился [4, с. 413–414].

Ничего подобного не было ни 23, ни 30 декабря. Правда, если предположить, что 3 января Витте по каким-то причинам рассказал Половцову лишь о том, что император отказался от Кази, но умолчал о своем предложении по поводу Хилкова, то зачем ему тогда понадобилось снова упрашивать бывшего государственного секретаря походатайствовать за Иващенко перед великим князем Михаилом Николаевичем? Допустим, что 30 декабря все на самом деле прошло так, как описал Витте. Но в таком случае какой ему был смысл 3 января специально ехать к Половцову и опять затевать разговор об Иващенко, когда вопрос о Хилкове был уже решен? Следующая же аудиенция министра финансов состоялась 5 января, т.е. уже после утверждения Хилкова в новой должности [6, с. 58].

Очевидно, что Витте просто не знал о решении Николая II и уже постфактум, в воспоминаниях, решил представить назначение Хилкова как свою заслугу. Другое дело, что министр финансов мог во время какой-то из аудиенций просто назвать Хилкова возможным кандидатом в руководители МПС – гораздо более приемлемым для него, чем Кази, но все же не столь желанным, как Иващенко. Но в любом случае неопубликованный фрагмент из дневника Половцова за 3 января не позволяет считать Витте непосредственным инициатором назначения Хилкова.

Главная заслуга в рассматриваемом кадровом решении Николая II принадлежала Марии Федоровне – недаром выбор в пользу Хилкова был сделан после возвращения императора из Царского Села в Петербург. По словам Путилова, Хилков являлся человеком, «лично известным вдовствующей императрице и пользовавшимся ее расположением» [10, л. 46]. Об этом же, как показано выше, свидетельствовал в воспоминаниях и Витте. О близости к Марии Федоровне Хилкова еще в бытность его главным инспектором железных дорог говорится и в воспоминаниях Куломзина [12, л. 23 об.–24]. Несомненно, мнение вдовствующей императрицы оказалось решающим при первом министерском назначении нового государя. Приведенная в статье реконструкция событий наглядно восстанавливает хронику того, как оно возобладало над попытками других влияний на Николая II.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шепелев Л. Е. Министр путей сообщения князь М. И. Хилков / Л. Е. Шепелев // Из глубины времен. – 1995. – № 5.
2. Степанов В. Л. Самодержец на распутье : Николай II между К. П. Победоносцевым и Н. Х. Бунге /

В. Л. Степанов // Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX века : исслед., историогр., источниковед. / отв. ред. А. Н. Цамутали. – СПб., 2009.

3. *Богданович А. В.* Дневник. 1 октября – 31 декабря 1894 г. / А. В. Богданович // РГИА. – Ф. 1620. – Оп. 1. – Д. 264.

4. Из архива С. Ю. Витте : воспоминания. Т. 1 : Рассказы в стенографической записи. – СПб., 2003. – Кн. 1.

5. *Александр Михайлович, великий князь.* Воспоминания / Александр Михайлович (Романов), великий князь. – М., 1999.

6. Дневники императора Николая II. – М., 1991.

7. Камер-фурьерский журнал (черновой) за 1894 г. // РГИА. – Ф. 516. – Оп. 53/2048. – Д. 15.

8. *Филиппов Т. И.* Письма Тертия Ивановича Филиппова к сыну Сергею Тертиевичу Филиппову / Т. И. Филиппов // РГИА. – Ф. 728. – Оп. 1. – Д. 81.

9. *Победоносцев К. П.* Письма к великому князю Сергею Александровичу / К. П. Победоносцев // ОР РГБ. – Ф. 253. – Карт. 29. – Д. 2.

10. *Путилов А. С.* Воспоминания / А. С. Путилов // РГАЛИ. – Ф. 1337. – Оп. 1. – Д. 217.

11. *Шереметев С. Д.* Дневник. 1894–1895 гг. / С. Д. Шереметев // РГАДА. – Ф. 1287. – Оп. 1. – Д. 5041.

12. *Куломзин А. Н.* Пережитое / А. Н. Куломзин // РГИА. – Ф. 1642. – Оп. 1. – Д. 195.

13. Из дневника А. А. Половцова // Красный архив. – 1934. – № 6 (67).

14. *Половцов А. А.* Дневник. 27 октября 1894 г. – 1895 г. / А. А. Половцов // ГА РФ. – Ф. 583. – Оп. 1. – Д. 47.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Андреев Д. А., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России XIX – начала XX в.

E-mail: carpenter2005@yandex.ru

Тел.: (495) 725-94-91

Moscow State University named after M. V. Lomonosov

Andreev D. A., Candidate of the Historical Sciences, Associate Professor of the Russian History of the XIX and early XX Centuries Department

E-mail: carpenter2005@yandex.ru

Tel.: (495) 725-94-91